

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФЕНОМЕН РУССКОЙ КЛАССИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2004

И.А. Поплавская

М. БАХТИН О СООТНОШЕНИИ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ В СЛОВЕСНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Рассмотрение интересующей нас проблемы начнем с ранней работы исследователя “Проблемы содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве”, написанной в 1924 г. Опираясь на используемое в этой статье методологическое разграничение эстетического объекта, с одной стороны, и художественного произведения как организованного материала – с другой, правомерно поставить вопрос о поэзии и прозе как архитектурных и как художественных формах. Можно вслед за автором утверждать, что поэзия и проза, подобно ритму, гармонии, симметрии, могут быть рассмотрены и как композиционные, и как архитектурные образования.

Как формы организации словесного материала, “эмпирически воспринятого, слышимого и озаваемого”¹, поэзия и проза воспринимаются в качестве композиционных форм. Как архитектурные формы, выражающие ценностное, эмоционально-волевое отношение автора, поэзия и проза оказываются неразрывно связанными с автором-творцом, выступающим в качестве “конститутивного момента художественной формы”². Ритм, определяющий эту эстетическую активность автора и созерцателя, неотделим от лирики, эпоса и драмы, тоже понятых архитектурно. При этом ритм получает у Бахтина эстетическое осмысление и соотносится со всяким “порядком высказывания не предметного характера, порядком, возвращающим высказывающего к себе самому, к своему действующему, порождающему единству”³. Формирующая активность автора-творца овладевает всеми материальными элементами слова: его звуковой, морфологической и синтаксической структурой, семантикой, интонацией, но вхождение автора в единство его телесной и духовной организации в эстетическую форму по-разному осуществляется в поэтических и прозаичес-

¹ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975. С. 20.

² Там же. С. 58.

³ Там же. С. 63.

ких произведениях. По словам философа, присутствие автора “максимально в лирике, где порождающее звук изнутри и чувствующее единство своего продуктивного напряжения тело вовлечено в форму; в романе приобщенность форме внутреннего организма минимальная. <...> Эта активность почти совершенно лишена органических, телесных моментов”¹.

В другой своей работе, “Автор и герой в эстетической деятельности”, создававшейся в 1920-е гг., Бахтин определяет эстетическое действие как созерцание, вытекающее “из избытка внешнего и внутренне-го видения другого человека”². Как известно, эстетическая деятельность получает свое завершение в определенных родовых и жанровых формах. И такими родовыми, архитектурными и жанровыми, композиционными формами могут выступать поэтические и прозаические формы. В этом смысле поэзия и проза, несомненно, обладают определенными содержательно-функциональными признаками, которые внутренне связаны с категорией автора, с авторским эстетическим заданием.

Остановимся прежде всего на функциях художественного слова и образе человека в словесном художественном произведении. В той же работе Бахтин говорит о том, что в художественном произведении моментам авторского вживания в другого человека и завершения его до целого образа соответствуют две функции художественно слова: одна “направляет вживание”, другая “дает ему завершение”, при этом в отдельном произведении, как пишет автор, “может преобладать тот или другой момент”³. Признавая совершенную обязательность этой двойкой функции слова в любом художественном произведении, выскажем предположение, что при определенных условиях в поэтических произведениях доминирующее значение может получать “вживающая” функция слова, а в прозаических – “завершающая”. В этой же статье в связи с постановкой проблемы тела как особой этико-эстетической ценности автор выделяет две модели построения человека: с одной стороны, “человек – это я, как я сам себя переживаю, другие – такие же, как я”. С другой стороны, “человек – это окружающие меня другие люди, как я их переживаю, я – такой же, как и другие”⁴. Вместе с тем можно сказать, что в некоторых поэтических жанрах преобладает модель построения человека по принципу “другой, как я”, в то время как в прозаических формах преимущественно утверждается другая модель: “я, как другой”.

¹ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. С. 68.

² Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 24.

³ Там же. С. 26.

⁴ Там же. С. 48.

В это же время философ круга Бахтина В.Н. Волошинов в статье “Слово в жизни и слово в поэзии”, опубликованной в 1926 г., рассматривает художественную форму в аспекте социологической поэтики. Ценным замечанием исследователя являются утверждения об иерархичности художественной формы и об аксиологическом характере ее как активном выражении авторской оценки по отношению к слушателю и к герою. Выделяя три типологических момента в эстетическом взаимоотношении автора, героя и читателя, Волошинов подробно останавливается на втором типе, связанном со степенью близости друг к другу героя и творца. Этот тип взаимоотношений оказывается принципиально значимым для понимания структуры поэтических и прозаических форм. Так, автор отмечает: “Форма поэтического произведения во многих моментах определяется тем, как ощущает автор своего героя, являющегося организующим центром высказывания. Форма объективного повествования, форма обращения (молитва, гимн, некоторые лирические формы), форма самовысказывания (исповедь, автобиография, форма лирического признания – важнейшая форма любовной лирики) определяются именно степенью близости автора и героя”¹. Далее, говоря об отношении слушателя к автору и к герою, исследователь подчеркивает, что “особенно чуткой к постановке слушателя является форма лирики. Основным условием лирической интонации является непоколебимая уверенность в сочувствии слушающих”².

В методологически важном исследовании Бахтина – “Слово в романе”, написанном в 1934–1935 гг., автор, как уже отмечалось всеми, впервые обращается к эстетике романа как ведущего жанра литературы Нового времени и раскрывает его диалогическую природу, а также рассматривает диалог как особую форму философско-эстетического мышления новой эпохи. Рассуждению о специфике поэтического и прозаического слова в этой работе предшествуют размышления философа о двух противоположных языковых тенденциях. Так, говоря о централизирующих и децентрализирующих явлениях, действующих в языке, и об их преломлении в поэтической и прозаической речи, автор тем не менее считает необходимым обозначить специфику этого преломления в обеих формах. Он пишет: “В то время как основные разновидности поэтических жанров развиваются в русле объединяющих и централизирующих, центростремительных сил словесно-идеологической жизни, роман и тяготеющие к нему художественно-прозаические жанры исторически слагались в русле децентрализирующих, центробежных сил”³.

¹ Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 80.

² Там же. С. 82.

³ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. С. 86.

Внутренняя диалогичность слова, которая выражается как в конципировании словом своего предмета, так и в предвосхищаемом им ответном слове, по-разному реализует себя в поэтических и в прозаических формах. Так, в поэтическом образе, в образе-тропе, соотношение между словом и предметом, между означающим и означаемым, по Бахтину, подчинено в большей степени номинации, определению и оценке самого предмета. В то время как в прозаических формах отношение между означающим и означаемым опосредуется прежде всего всем многообразием других слов “о том же предмете, на ту же тему”¹. Поэтому повышенная, иногда маркированная диалогическая ориентация слова среди чужих слов составляет, по мнению исследователя, основу так называемой прозаической художественности. В основе же поэтической художественности лежит прежде всего диалогизованное метафорическое слово. Вместе с тем, дополняет автор, “в поэтических жанрах в узком смысле естественная диалогичность слова художественно не используется... Идея множественности языковых миров, равно осмысленных и выразительных, органически недоступна поэтическому стилю”². Наконец, еще одно существенное замечание. В отличие от поэзии и поэтических жанров слово в прозе, как пишет Бахтин, “не только изображает, но и само изображается”³, становится объектом, предметом активного авторского отношения, как, например, в различных стилизациях, пародиях, сказах. В этой связи, говоря о взаимодействии поэзии и прозы в аспекте исторической поэтики, Бахтин специально отмечает такое явление, как “переакцентуация поэтического образа в прозаический и обратно”. “Так возник в средние века, – пишет он, – пародийный эпос, сыгравший существенную роль в подготовке романа второй линии (пародийного рыцарского романа)”⁴.

В работе “Проблема речевых жанров”, написанной уже в 1952–1953 гг., рассмотрение высказывания как реальной единицы речевого общения неотделимо от изучения предложения и слова как единиц языка. В этом смысле правомерно поставить вопрос о поэзии и прозе как явлениях языка и как формах речи. По всей видимости, поэзия и проза как речевые формы в широком смысле должны обладать теми же признаками, что и речевые жанры, т.е. иметь четкие границы, определяемые “сменой речевых субъектов”⁵, отличаться внутренней и внешней завершенностью, раскрывать экспрессивное отношение выс-

¹ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. С. 89.

² Там же. С. 99.

³ Там же. С. 149.

⁴ Там же. С. 232.

⁵ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 253.

казывания к самому говорящему и к другим участникам речевого общения, быть адресованным кому-либо. Напротив, поэзия и проза как категории языка раскрываются через систему лексических, грамматических норм, оказываются совершенно нейтральны по отношению ко всякой экспрессивной оценке реальности.

Итак, соотношение поэзии и прозы рассматривается Бахтиным в этих статьях глубоко диалогически: через соотнесение словесного образа в поэзии и в прозе, в плане сопоставления-противопоставления поэзии и прозы как речевых форм, в плане изучения поэтических и прозаических форм как языковых и как речевых категорий. С другой стороны, в работах ученого обозначены основные эстетические “установки”, реализуемые в поэтических и прозаических формах в реальном историко-литературном процессе. Наконец, диалогизм как форма мышления и метод научного исследования Бахтина оказывается внутренне органичным самому предмету исследования: соотношению поэзии и прозы в словесном художественном творчестве.

В поздних работах исследователя в центре внимания оказывается проблема текста, понятая “как всякий связный знаковый комплекс”¹ и рассмотренная в его связи с языком и речевыми высказываниями, в соотношении текста и контекста. В изучении интересующей нас проблемы важно динамическое взаимодействие двух моментов текста как высказывания: “его замысел (интенция) и осуществление этого замысла”², а также выделение “двух полюсов текста” как “общепонятной системы знаков, языка”, с одной стороны, и того, что в нем “имеет отношение к истине, правде, добру, красоте, истории”³ – с другой, иными словами, как соотношение “данного” и “созданного”⁴. В этой связи поэзия и проза как языковые системы реализуются только в конкретных художественных текстах с их глубинным единством означенного и означаемого.

Говоря о диалогической природе слова как необходимом условии всякого художественного стиля, в том числе поэтического и прозаического, ученый пишет, что “подлинно творческий голос всегда может быть только вторым голосом в слове”⁵, раскрывающим отношение автора к изображаемому, в то время как первый голос связан с материализующей, предметной сущностью слова. По определению Бахтина, всякие диалогические отношения, возникающие между выс-

¹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 281.

² Там же. С. 282.

³ Там же. С. 283.

⁴ Там же. С. 299.

⁵ Там же. С. 289.

казываниями, относятся к металингвистике. В этом смысле диалог между поэзией и прозой, между поэтическими и прозаическими высказываниями тоже носит металингвистический характер и совершается как между отдельными произведениями, так и внутри каждого из них. И типы диалогических связей, возникающие в различных высказываниях, определяются, как пишет автор, “своим отношением к предмету и к говорящему субъекту-автору”, а также “к другим высказываниям в пределах данной сферы общения”¹. Все эти вопросы становятся предметом рефлексии ученого в заметках “Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках”, создававшихся в 1959–1961 гг.

В заключительной главе книги “Проблемы поэтики Достоевского”, вышедшей в 1963 г., автор, как известно, выделяет три продуктивных типа художественного слова. Сопоставляя поэтическую и прозаическую речь, он особо подчеркивает, что изучение слова с точки зрения его отношения к чужому слову, двуголосого слова имеет “исключительно важное значение для понимания художественной прозы. Поэтическая речь в узком смысле требует единообразия всех слов, приведения их к одному знаменателю... <...> Возможность употреблять в плоскости одного произведения слова разных типов в их резкой выраженности без приведения к одному знаменателю – одна из существеннейших особенностей прозы. В этом глубокое отличие прозаического стиля от поэтического”².

В записях 1970–1971 гг. ученый продолжает размышлять над проблемой слова в поэтических и прозаических произведениях, и здесь вновь возникает вопрос о “преднаходимости” автором поэтического и прозаического языка, о соотношении “данного” и “созданного”. “У прозаиков, особенно у романистов, – пишет автор, – выступает проблема собственного слова. Это слово не может быть просто своим словом (от я). <...> Его надо обосновать. Необходимость кого-то представлять. Поэт опирается на вдохновение и особый поэтический язык. У прозаика нет такого поэтического языка”³. В этих же записях Бахтин специально акцентирует внимание на романном и риторическом слове, конспективно обозначая это так: “Риторическое слово и романное слово. Убедительность художественная и убедительность риторическая. <...> Ограниченные цели риторического слова. Риторическая речь аргументирует с точки зрения третьего: индивидуально-глубин-

¹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 301.

² Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994. С. 415.

³ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 356.

ные пласты в этом не участвуют. В античности границы между риторикой и художественной литературой проводились иначе и не были резкими, ибо еще не было индивидуально-глубинной личности в новом смысле. Она (личность) рождается на рубеже средневековья. Здесь обостряются (или даже впервые рождаются) грани между своим и чужим словом¹.

В одной из своих последних работ – “К методологии гуманитарных наук”, написанной в 1974 г., исследователь вновь обращается к проблеме диалогического понимания и интерпретации текста, к раскрытию взаимосвязи текста, произведения и контекста. Для интересующей нас проблемы важны его размышления о категории автора, который “присутствует только в целом произведении, <...> находится в том неделимом моменте его, где содержание и форма неразрывно сливаются, и больше всего мы ощущаем его присутствие в форме”². Здесь вновь делается акцент на глубинной взаимозависимости автора и художественной формы. Поэтому поэзия и проза, понятые в широком смысле как архитектурные и как композиционные формы, как формы языка и как формы речи, а также в узком смысле как художественные стили, требуют своего изучения в пространстве малого и большого ценностно-смысловых контекстов, в пространстве малого и большого времени культуры. В этой связи обращение к трудам крупнейшего философа и литературоведа XX в. М.М. Бахтина органично вписывается в большой культурно-исторический и гуманистический контекст русской литературоведческой традиции, в которой, по выражению современного исследователя, “любой текст, создаваемый человеком, тяготеет к Слову или отталкивается от него”, “любой текст – часть Текста, любое слово – выражение или проявление Слова”³.

¹ *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. С. 354.

² Там же. С. 362.

³ *Барит К.А.* Русское литературоведение XX века: Учеб. пособие: В 2 ч. Ч. 2. СПб., 1997. С. 23.